

Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед к новым успехам Советской Родины, к полной победе коммунизма в нашей стране!

(ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК ВКП(б) К 1 МАЯ 1947 ГОДА).

ПРИЗЫВЫ ЦК ВКП(б) К 1 МАЯ 1947 года

1. Да здравствует 1 мая — день смотра боевых сил трудящихся всех стран!

2. Трудящиеся всех стран! Боритесь за прочный мир против поджигателей войны! Да здравствует дружественное сотрудничество народов!

3. Трудящиеся всех стран! Разоблачайте агрессивные планы империалистов! Срывайте маску с поджигателей новой войны! Стойте на страже дела мира!

4. Трудящиеся всех стран! Без борьбы с фашизмом нет демократии! Долой лже-демократов, поддерживающих фашистов! Да здравствует полная победа демократии над фашистами и их покровителями!

5. Да здравствуют народы, освобожденные от гнета фашизма, прочно вставшие на путь демократического развития!

6. Да здравствует нерушимая дружба братских славянских народов!

7. Да здравствует Советский Союз — надежный оплот мира и безопасности, свободы и независимости народов!

8. Да здравствуют Вооруженные Силы Советского Союза, — отстоявшие и прославившие свою Родину в Великой Отечественной войне! Советские воины! Бдительно охраняйте завоеванный мир и созидательный труд нашего народа!

9. Воины сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил Советского Союза! Неустанно совершенствуйте свои военные и политические знания! Осваивайте опыт Великой Отечественной войны!

10. Да здравствуют советские пограничники, зорко охраняющие рубежи нашей Родины!

11. Слава Героям Советского Союза и Героям Социалистического Труда — лучшим сынам и дочерям нашей великой Родины!

12. Рабочие, крестьяне, советская интеллигенция! Боритесь за выполнение и перевыполнение послевоенного пятилетнего плана, за подъем народного хозяйства, за дальнейшее повышение материального благосостояния и культуры советского народа!

13. Трудящиеся Советского Союза! Выше темпы восстановления и развития народного хозяйства нашей социалистической Родины!

14. Трудящиеся Советского Союза! Обеспечим полный успех социалистического соревнования в честь тридцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции! Выполним досрочно план второго года послевоенной пятилетки!

15. Рабочие и работники, инженеры и техники! Овладевайте передовыми методами производства! Неустанно повышайте производительность труда!

16. Трудящиеся Советского Союза! Боритесь за стройнейшую экономию во всех отраслях народного хозяйства, за снижение себестоимости продукции! Обеспечим накопление средств для выполнения и перевыполнения послевоенной пятилетки!

17. Рабочие и работники, инженеры и техники угольной промышленности! Выше темпы добычи угля, больше топлива для фабрик, заводов и транспорта! Боритесь за всемерный подъем угольной промышленности!

18. Рабочие и работники, инженеры и техники нефтяной промышленности! Непрерывно увеличивайте добычу и переработку нефти! Больше нефти для народного хозяйства!

19. Рабочие и работники, инженеры и техники черной и цветной металлургии! Металл — основа восстановления и развития всех отраслей народного хозяйства. Дадим стране больше чугуна, стали, проката, цветных металлов!

20. Рабочие и работники, инженеры и техники электростанций! Быстрее вводите в строй новые электростанции, наращивайте энергетические мощности! Бесперебойно снабжайте электроэнергией народное хозяйство страны!

21. Рабочие и работники, инженеры и техники машиностроительной промышленности! Непрерывно увеличивайте

выпуск машин! Повышайте качество советского машиностроения!

22. Рабочие и работники, инженеры и техники предприятий, производящих машины для сельского хозяйства! Выше темпы производства тракторов и сельскохозяйственных машин! Выполним важнейшую государственную задачу — обеспечим тракторами и другими машинами сельское хозяйство!

23. Рабочие и работники, инженеры и техники автомобильной промышленности! Больше автомобилей стране! Быстрее осваивайте производство и увеличивайте выпуск новых типов грузовых и легковых автомашин!

24. Рабочие и работники, инженеры и техники химической промышленности! Всемерно развивайте производство химических продуктов для нужд народного хозяйства! Обеспечивайте минеральными удобрениями сельское хозяйство!

25. Рабочие и работники, инженеры и техники судостроительной промышленности! Советская держава должна иметь сильный и могучий флот! Совершенствуйте технику судостроения! Быстрее стройте новые корабли!

26. Рабочие и работники, инженеры и техники строители! Ускоряйте темпы, повышайте качество восстановительных и строительных работ, снижайте себестоимость строительства! Быстрее вводите в строй промышленные предприятия, жилища и культурные учреждения!

27. Рабочие и работники, инженеры и техники промышленности строительных материалов! Бесперебойно обеспечивайте строительными материалами стройки послевоенной пятилетки!

28. Рабочие и работники, инженеры и техники легкой и текстильной промышленности! Расширяйте производство и улучшайте качество предметов широкого потребления! Дадим трудящимся больше тканей, трикотажа, одежды, обуви и других товаров!

29. Рабочие и работники, инженеры и техники пищевой, мясомолочной и рыбной промышленности! Увеличивайте производство продуктов питания для населения!

30. Работники местной промышленности и промысловой кооперации! Выпускайте больше предметов широкого потребления и домашнего обихода! Улучшайте качество и снижайте себестоимость продукции! Широко используйте местные ресурсы!

31. Советские железнодорожники! Боритесь за увеличение погрузки и ускорение оборота вагонов, за высокие темпы восстановления и нового строительства железных дорог! Улучшайте обслуживание пассажиров!

32. Работники морского и речного флота! Быстрее доставляйте грузы для народного хозяйства страны! Боритесь за образцовое проведение навигации 1947 года!

33. Работники советской торговли, кооперации, общественного питания! Широко развертывайте культурную советскую торговлю в городе и деревне, всемерно развивайте товарооборот! Улучшайте обслуживание советского потребителя!

34. Колхозники и колхозницы, крестьяне и крестьянки, рабочие и работники МТС и совхозов, работники сельского хозяйства! Претворим в жизнь боевую программу подъема сельского хозяйства в послевоенный период, принятую февральским пленумом Центрального Комитета партии большевиков!

35. Трудящиеся сельского хозяйства! Сделаем 1947 год началом развернутого наступления за высокие урожаи, за выполнение новой пятилетки в области сельского хозяйства! Создадим в кратчайший срок обилие продуктов для нашего населения, сырья для легкой промышленности, обеспечим накопление необходимых государственных продовольственных и сырьевых резервов!

36. Колхозники и колхозницы, рабочие и работники МТС и совхозов, работники сельского хозяйства! Шире

развертывайте социалистическое соревнование за высокий урожай в 1947 году по зерну и по другим культурам, за образцовое проведение всех сельскохозяйственных работ! За быстрый подъем колхозного земледелия!

37. Колхозники и колхозницы, рабочие и работники МТС и совхозов, работники сельского хозяйства! Умножайте ряды передовиков социалистического сельского хозяйства, мастеров высоких урожаев, орденосцев и Героев Социалистического Труда! Больше звеньев, бригад, колхозов, совхозов, МТС и районов высоких урожаев!

38. Трактористы, комбайнеры, механики МТС и совхозов! Повышайте производительность машинно-тракторного парка, добивайтесь высокого качества полевых работ! Помогайте колхозам и совхозам завоевать высокий урожай!

39. Крестьяне и крестьянки, рабочие и работники совхозов, зоотехники и ветеринары! Добивайтесь дальнейшего увеличения поголовья скота, повышайте продуктивность животноводства! Дадим стране больше мяса, молока, масла!

40. Колхозники и колхозницы! Всемерно укрепляйте и развивайте общественное хозяйство колхозов, повышайте дисциплину труда, умножайте социалистическую собственность колхозов! Свято соблюдайте Устав сельскохозяйственной артели — основной закон колхозной жизни!

41. Работники советской науки! Обогащайте науку и технику новыми исследованиями, изобретениями и открытиями! Смело идите по пути новаторства! Решительно внедряйте достижения науки в производство!

42. Работники литературы, искусства, кинематографии! Создавайте высокохудожественные произведения, достойные великого советского народа!

43. Учителя и учительницы, работники народного образования! Повышайте качество обучения детей! Воспитывайте нашу молодежь в духе советского патриотизма, беззаветной преданности нашей Родине!

44. Трудящиеся Советского Союза! Окружим всенародной заботой инвалидов Отечественной войны и семьи героических советских воинов, отдавших свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины!

45. Советские профсоюзы! Шире развертывайте социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение производственных планов! Проявляйте неустанную заботу о повышении материального и культурного уровня жизни трудящихся!

46. Советские женщины! Боритесь за дальнейший расцвет нашей социалистической Родины! Да здравствуют советские женщины — активные участницы политического, хозяйственного и культурного подъема нашей страны!

47. Советские юноши и девушки! Овладевайте передовой техникой, наукой и культурой! Будьте стойкими и смелыми, готовыми преодолевать любые трудности! Самоотверженно трудитесь на благо нашей Родины!

48. Учащиеся советской школы! Овладевайте знаниями, готовьтесь стать стойкими борцами за дело Ленина — Сталина!

49. Коммунисты и комсомольцы! Будьте в первых рядах борцов за восстановление и новый подъем хозяйства и культуры, за дальнейшее укрепление могущества советского государства!

50. Да здравствует могучий Советский Союз, надежный оплот дружбы, счастья и славы народов нашей Родины!

51. Да здравствует героический советский народ, народ-созидатель, творец свободной социалистической жизни!

52. Да здравствует великая партия большевиков, партия Ленина — Сталина, закаленный в боях авангард советского народа, — вдохновитель и организатор наших побед!

53. Да здравствует вождь советского народа — великий Сталин!

54. Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед к новым успехам Советской Родины, к полной победе коммунизма в нашей стране!

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)

КОЛХОЗНИК-БАСНОПИСЕЦ

Имя недавно скончавшегося колхозника Александра Александровича Рослова, автора самобытных басен на современные темы, главным образом на темы новой деревни, хорошо известно читателям-горьковчанам.

Нелегко было И. Рослову — писателю-самородку, выходящему из бедняцкой семьи, — пробить себе в царское время дорогу в литературу. После окончания сельской школы он, крестьянин-бедняк, даже мечтает не мог о дальнейшем образовании, о гимназии.

Нипенская жизнь старой деревни заставляла поэта идти на «отхожие промыслы», напрягать все свои силы для того, чтобы существовать. Работая в 1909 году чернорабочим на прокладке телеграфной линии Москва — Нижний, Иван Рослов посылает одно за другим стихотворения в редакцию Владимирской губернской газеты. Стихотворения публикуются. Это и было началом скромной литературной деятельности крестьянского поэта-самородка. Но только великая социалистическая революция дала возможность «человеку от сохи» раскрыть свое поэтическое дарование. Стихи и басни Рослова появляются на страницах «Крестьянской газеты», «Нижегородской коммуны», «Советской деревни».

В 1944 году общественность г. Горького тепло отнеслась к тридцатипятилетию литературной деятельности поэта. Колхозу, где жил И. Рослов, было присвоено его имя.

Острый, наблюдательный и в высшей степени самобытный талант и выразительность в качестве материала для своих басен множество разнообразных человеческих характеров.

Традиционная строгая форма басни сама по себе налагает на пишущего в этом жанре жесткие обязанности быть чрезвычайно остроумным.

Очень легко впасть в скучнейшее эпитопство, повторять (пусть даже врозь и притом, но все же повторять!) интонационные азы предшествующих классических образцов. Нужно иметь очень тонкий слух, обладать «секретом» особого сдержанного лукавства, чтобы миновать стандарт или, наоборот, не скатиться к простому зубоскальничеству.

Нравственное, назидательное свойство в басенной поэзии никогда не лежит на поверхности. Мораль идет изнутри темы, положения, поступка персонажа. И чем более изнутри, тем более ошутимо действие басни, ее воспитательный результат.

Басня — это умение сравнивать, находить уязвимые, слабые стороны, опознавать и обозначать отрицательное. В ней, как, может быть, ни в какой другой форме иронического письма, исключительную роль играет отбор слова, язык ее должен быть обидно прост, предельно понятен, но ни в коем случае не простоват. Игра слов и почти рациональный смысл фразы — вот на чем держится конструкция басни.

Басня культивировалась и разрабатывалась в советской поэзии незаслуженно редко.

И. Рослов. «Басня». Горьковское издательство, 1946 год. 88 стр.

Читатели о журнале «Знамя»

Пробовать силы в литературе и своим опытом, накопленным в годы войны, помогать журналу в создании высоко-идеальной советской военно-художественной литературы, — призвал В. Вишневский читателей-офицеров, встретившихся 23 апреля в Центральном доме Красной Армии в редакции журнала «Знамя».

Выступившие в прения офицеры отметили наиболее интересные произведения, помещенные в «Знамя»: «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Спутники» В. Пановой, «Ночь полководца» Г. Березко, «Станция» В. Некрасова, «Звезда» Э. Казакевича и др.

В то же время ораторы указывали на наличие в журнале многих стихов, отличающихся бедностью мысли и чувства.

— Многие поэты, — говорит старший лейтенант Селищев, — побывали за границей, но мы не знаем, что они увидели там. По их стихам трудно получить представление о народах и странах, которые они посетили. Прекрасным исключением являются стихи Н. Тихонова о Югославии.

Качество прозы в нем тоже войны повестей все выступление гвардии майор Мокеев.

— Роман «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Люди с чистой совестью» П. Вершинина — вот пока немногие произведения, достойные считаться героическими симфониями. Но, к сожалению, ряд вещей, напечатанных в «Знамени», скорее похож на воспоминания о том, что было на войне, чем на художественные полотна, раскрывающие глубокий смысл событий, духовный мир советского человека.

С интересом выслушали собравшиеся инженер-подполковник Каминского. — Малыми советских людей в защитной одежде, с оружием, а иногда и в зарево войны, увидел иной уклад и быт народов этих стран. Кто-то как внешняя цивилизация и комфорт не разглядел истинного содержания капиталистической действительности, но громадное большинство, внимательно наблюдая и присматриваясь к окружающему, поняло всю глубину противоречия между нашей культурой и культурой буржуазного Запада. Вот это столкновение двух культур, двух мировоззрений должно быть раскрыто художественными средствами в произведениях, которые мы хотим видеть на страницах «Знамени».

Читатели отметили, слабость критического отдела журнала, необходимость введения отдела науки и техники.

Н. Тихонов, П. Антокольский и Г. Березко говорили о сложности и своеобразии изобразительных средств, которыми должен овладеть художник, стремящийся дать глубокую, восторженную картину жизни и творчества советского народа.

«Звезда» № 3

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Вышла третья книга журнала «Звезда» за 1947 год.

Большое место в номере занимает эстонская поэзия: напечатаны стихотворения И. Барбаруса, И. Семпера, Ю. Шууля и В. Вилянд (переводы В. Роджественского и Б. Кежуня), а также отрывки впервые переводимого на русский язык эстонского народного эпоса «Калеви-поэма» («Сын Калева»).

Творчество ленинградских поэтов представлено стихами М. Дудина и С. Орлова. Отдел прозы составляют повести «Предместье» В. Кочетова, «Повесть о великом повороте» Н. Равича (о М. Ломоносове), рассказы В. Шефнера, Е. Венетомовой и А. Вартача. Очерк И. Колтунова «На газовой трассе» посвящен строительству газопровода из Эстонии в Ленинград.

В отделе критики и публицистики помещены статьи И. Эвентова «М. И. Калинин о русской литературе», Р. Мессер «Эстетические принципы Добролюбова», Б. Вальбе ««Большенький Степан Кутузов» (образ из повести «Жизнь Клема Самгина» А. М. Горького), А. Шишкиной ««Действительность и мечта» (о творчестве Л. Борисова) и Л. Левина ««Перед второй книгой» (о творчестве С. Орлова).

ВОИМЯ НАРОДА

Гослитиздат выпустил книгу избранных стихов Луи Арагона. В нее вошли переводы стихотворений, написанных в годы второй мировой войны, в годы сопротивления немцам оккупантам и составивших книгу «Нож в сердце», «Глаза Эльзы», «Панотика» и «Французская заря». Стихотворения посвящены патристическим и антифашистским партизанским стихам, выходили отдельными листовками, перепечатывались от руки и заучивались наизусть французскими партизанами. Они звучали, как призыв к восстанию, как девиз борьбы.

Сборник Арагона открывает стихотворением «Радио—Москва» (перевод П. Антокольского). Оно было написано летом 1941 года, опубликовано в подпольной партизанской прессе и в сборнике, изданном в Алжире и Тунисе. Отношу не из поэтических соображений в алжирском издании «Коллектив» под названием «Слушай, Франция». Строка, прямо говорившая о свободе, доносившаяся из Советского Союза, была опущена. Впоследствии Арагон восстановил и эту строчку в первой строке «France, écoute. On dirait une autre Marseille» и старое название «Радио—Москва».

Стихотворение заканчивается строкой: До расвета Валми остается таять. Прощайтесь, кто спит. Не спящих, кто тужит. Пусть на горе не гложет, весте ле кружит. Пусть примером нам русское мужество служит. Слушай, Франция! На зигу наш призыв.

В сборнике героические стихи помещены рядом с лирическими. Горечь и боль Франции, раздвоенный немцами оккупантами, звучит в стихотворении «Сирень и роза» (перевод Е. Кипович), гневное обличение немецких фашистов — в стихотворении «Я вам пишу в краю разоруженных танков» (перевод А. Павлова), прекрасной героической наброс в «Легенде о Габриэле Перин» (перевод П. Антокольского), органическое ощущение связи поэта с народом и парти-

ей в стихотворении «Поэт обращается к партии» (перевод П. Антокольского), глубокое лирическое чувство в стихах «Любовь в разлуке» (перевод О. Брика), «Снобская зюльда» (перевод М. Песика), «Глаза Эльзы» (перевод М. Павлова) и других.

Зюльда поэта — это судьба его народа, судьба Франции. В книге ошутимо и сляпано личное с общественным, которым отмечено творчество Владимира Маяковского, — ему во многом близок Луи Арагон.

Творчество Арагона представляет яркий пример связи искусства с действительностью. Поэт, сумевший еще в 1930 году порвать с бюрократизмом, связавшим свою судьбу с партией французских коммунистов, находит для себя истинное вдохновение в организмом единении с народом. И в годы борьбы с немецким фашизмом и сейчас, после войны, Арагон остается на боевом посту.

Еще в середине тридцатых годов, выступая с трибуны Парижского конгресса в защиту культуры, Арагон нанес решительный удар по всевозможным декадентским тенденциям и, в частности, по сюрреализму; он ставил себе в заслугу, что был одним из тех, кто сильно ударил по этой безобразной жесткости из-под сардин. Он говорил об этом и на I Съезде советских писателей в 1934 году, и в обращении к американским писателям, и в дискуссии о реализме во французской живописи, и во многих других своих выступлениях. Арагон требовал возврата к реальности, указывая на пример Маяковского, боролся со всевозможными проявлениями индивидуализма, настаивая на близости искусства народу. «Нам нечего скрывать», — заключил Арагон свою речь на Парижском конгрессе — мы с вами создаем социалистический реализм».

Связь поэта с народом особенно окрепла в годы «Сопротивления», когда Арагон объединил вокруг себя все лучшее, что было во французской литературе.

Эта связь осталась нерушимой и после войны. Иные писатели, участники «Сопровращения», вернувшись к своим довоенным темам, к пропаганде индивидуализма, «чи-

КНИГИ НА ПЛЕНКЕ

Одному из ученых армянской Академии наук понадобился не только материал, опубликованный в старых технических журналах и книгах. Этих книг и журналов и библиотек Еревана не оказалось. Но ученый знал, что они имеются в Государственной библиотеке им. Ленина в Москве и что там открыт отдел микрофильмирования. Ученый снес с отделом и вскоре получил ксерокс пленки с нужными ему материалами. Для того, чтобы прочесть эти тексты, ученому оставалось лишь приобрести в помощь увеличительное стекло. Это был не первый акад, исполненный отделом микрофильмирования. За три месяца своего существования он охватил на ксерокс пленку свыше 10 тысяч страниц. Производительность такого съемочного аппарата довольно велика — до 500 страниц в час. Нетрудно представить затем в копировальный аппарат, дающий в час позитивные отпечатки 7.000 страниц. Текст книги среднего объема умещается на ксерокс пленки длиной в четыре метра. Эту пленку кладут в маленькую коробочку, сделанную из пластмассы, а «микроскоп» готов.

Оптический верстак в Москве выпускает первую партию так называемых «читательских аппаратов» для чтения «микроскопов». Сейчас он осваивает еще серию производств. В библиотеке им. Ленина уже в конце второй месяц функционирует кабинет «микроскопов». В нем установлены три «микроскопа» для чтения, азиатские на пленку, проектируемые на стеклянных экранах этих аппаратов в натуральную величину.

— Микрофильмирование приближает к массовому читателю богатейшие книжные фонды нашей страны, — заявил в беседе с нашим сотрудником заведующий отделом микрофильмирования В. Янделович. — Оно делает доступными для нас редчайшие книги, рукописи, ценнейшие документы. До сих пор читателям имели очень узкий круг читателей, являлись постоянными лишь немногие крупные библиотеки нашей страны. Теперь же любая библиотека может предоставлять своим читателям возможность пользоваться и редкими и обычными книгами, которые не числятся в каталоге данной библиотеки. Проходя через руки читателей, книги тиражируются. В ветхость приходят старые издания в библиотеках комплексы газет и журна-

лов. Для того, чтобы сохранить от порчи ценные книги библиотекам им. Ленина, мы уже занялись на пленку ряд редких книг и периодических изданий. Так, например, «Апостол» 1864 года или комплект германского «Юлиана» за 1880—1888 годы.

«Микроскопы» удобны тем, что они требуют очень малой площади для своего хранения. В небольшом шкафу, объемом около полтора метра, можно разместить около трех тысяч «микроскопов».

М. Захаров.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ А. НОВИКОВА-ПРИБОЯ. 30-ЛЕТИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. ШЕРВИНСКОГО. ТВОРЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА ПОЭТОВ. НОВАЯ ПОВЕСТЬ В. ШКЛОВСКОГО.

В союзе советских писателей СССР

Памяти большого писателя

Три года назад советские читатели потеряли одного из своих самых любимых и популярных писателей — Алексея Силыча Новикова-Прибоя. Роман «Усымса», принесший его автору мировую славу, за несколько лет одиннадцать раз переиздавался в Москве, переведен почти на все языки братских народов СССР, вышел в Англии, Франции, Германии, Японии, Швейцарии, Финляндии, Польше, Болгарии и других странах.

— Замечательные книги Новикова-Прибоя, — сказал во вступительном слове В. Вишневский, — стали советской классикой.

Вс. Вишневский рассказал о том, как русский матрос Новиков стал писателем с мировым именем. Трижды погибал огромная рукопись «Усымса», и трижды с упорством, почти подвижническим трудом, автор восстанавливал этот роман — цель всей своей жизни, стремился раскрыть перед читателями одну из героических страниц истории русского флота.

— На книгах Новикова-Прибоя, — говорил главный редактор газеты «Красный флот» генерал-майор П. И. Мусьяков, — воспитываются тысячи советских военных моряков. Они любят его книги за их простоту, доходчивость, ясность мысли, яркость и правдивость образов героев. Горько и обидно, что мы так рано потеряли этого талантливого писателя, обаятельного человека, истинного друга моряков. Но у нас остался его прекрасные книги, которые учат нас честной и благородной жизни, героическим подвигам, полному патриотизму и преданности долгу и родине.

Своими воспоминаниями о писателе поделились старейший матрос Балтийского флота М. Корнев, знавший Алексея Силыча с 1901 года, писатель В. Дядин, капитан П. Ранта А. Вакинков, А. Перугудов прочел отрывок из своих мемуаров, относящийся к периоду пребывания Алексея Силыча у Горького на Капри. О своей первой встрече с матросом Новиковым в Лондоне рассказала вдова писателя Мария Людвиговна.

Антон Шавер прочел незаключенный рассказ А. Новикова-Прибоя «Мой первый гонимый».

В секции поэтов

8 апреля в Клубе писателей состоялся вечер памяти А. Новикова-Прибоя. Вечер посвященный творчеству писателя, обаятельного человека, истинного друга моряков. Но у нас остался его прекрасные книги, которые учат нас честной и благородной жизни, героическим подвигам, полному патриотизму и преданности долгу и родине.

Своими воспоминаниями о писателе поделились старейший матрос Балтийского флота М. Корнев, знавший Алексея Силыча с 1901 года, писатель В. Дядин, капитан П. Ранта А. Вакинков, А. Перугудов прочел отрывок из своих мемуаров, относящийся к периоду пребывания Алексея Силыча у Горького на Капри. О своей первой встрече с матросом Новиковым в Лондоне рассказала вдова писателя Мария Людвиговна.

Антон Шавер прочел незаключенный рассказ А. Новикова-Прибоя «Мой первый гонимый».

Обилей поэта-переводчика

Вечер, посвященный юбилею литературной деятельности С. Шервинского, открыл в Клубе писателей Н. Тихонов.

— 30-летний творческий труд Сергея Васильевича Шервинского, — сказал Н. Тихонов, — явился ценным вкладом в советскую культуру. Его переводы древнего армянского эпоса и крупнейших поэтов Армении, Грузии, Азербайджана, из мировой классической поэзии являются отличными образцами переводческого искусства. И за это мы выражаем ему сегодня свое общественное признание и благодарность.

Выступивший затем Л. Гроссман говорил о разносторонности дарования С. Шервинского, проявившего себя как талантливого поэта, романиста, переводчика и теоретика поэзии. Свой творческий опыт С. Шервинский

сессию Юнеско, проходившей под председательством английского поэта Стивена Спендера. Арагон выступил против Сартра и Мальро, защищая реакционные, индивидуалистические, антинародные позиции, пропагандирующие мнимую свободу художника и презрение к массам.

Андрю Мальро в своей речи заявил: «В настоящее время человека гложут массы, как прежде гложда индивидуум». Своим самым высоким искусством, говорил Мальро, — человек создает посредством мира, низведенного до образа тайны, которая вера неизменна. Мальро утверждал, что «человек обанкротился, что нужно «воссоздать» человека. Он противопоставил «избранников» — народу, говорил о необходимости создания особой «западной атлантической культуры», особого «западного человека».

С прекрасной отповедью Мальро выступил Луи Арагон. «Избранные», сказал Арагон, — являются избранными лишь тогда, когда они, выражая сознание нации, народов или масс, связаны в жизни и смерти с судьбой, с будущим масс и отказываются противопоставлять им себя».

Резко обличая Мальро, Арагон говорил о том, что концепция «замкнутой атлантической культуры», концепция «западного человека», «европейского человека» не столь уж нова. «Это старое продерявленное судно», — заявил Арагон. — Судовладелец, назвавший его строит когда-то, завладев Освальд Шпенглер и был одним из предтеч нацистской «гопологии».

«В наши дни находится во Франции люда, — продолжал Арагон, — по имени Клод Гаради, который извещает уша состон в том, чтобы искать у врага источники международной мысли».

Андрю Мальро, обращаясь к слушателям, заявил: «Глубоко безразлично для кого бы то ни было среди вас, студентов, быть ли ему коммунистом или антикоммунистом, либералом или кем бы то ни было, ибо единственная настоящая проблема заключается в том, чтобы знать, в какой форме мы можем воссоздать человека».

«Как будем мы воссоздавать человека? — воскликнул Арагон. — Разве человек умеет? Это не настоящие проблемы, а уход от действительности, уход от проблем, которые стоят сейчас перед людьми из плоти и кро-

«Гуляки и Лев Сабакин»

Героем новой повести В. Шкловского, отрывки из которой он прочел 22 апреля на собрании секции прозы, является замечательный русский человек, чья судьба, весьма своеобразная и поучительная, до сих пор почти не исследована.

Речь идет о пионере русского станкостроения Льве Сабанине, жившем в XVIII веке, талантлимом выходеце из народа, изобретателе астрономических часов, в сокращенном возрасте ставшем студентом Эдинбургского университета, а по возвращении на родину — директором Ижевского завода.

В вступительном слове В. Шкловский указал, что он сознательно еще доложил сюжет в своей повести, т. е. не стал на путь художественного домысла, стремясь, главным образом, к документальной точности и достоверности. Писатель считает этот метод более всего отвечающим его цели — показать, что русская техническая мысль уже в XVIII веке находилась на уровне куда более высоком, чем это представляют себе ныне исследователи.

Все участвовавшие в обсуждении повести — К. Фелин, К. Паустовский, Р. Фраерман, Л. Латин, А. Бек, Я. Черняк, М. Никитин — единодушно признали полезность замысла Шкловского. По общему мнению, автору удалось привлечь исключительно ценный, никому еще не освещенный материал, проливший новый свет на прошлое нашей техники, и поставить актуальные для нашей современности проблемы.

Главным недостатком произведения ряд выступавших усматривает в том, что техника в книге заслоняет человека, внутренне миру своих героев автор не уделяет должного внимания. «Здесь люди приложены к технике», — говорит К. Паустовский. А. Бек относит повесть к жанру популярно-научной литературы с уклоном в «беллетристизацию».

Р. Фраерман не соглашается с тем, кто усматривает в повести избыточный «технический» элемент.

«Гуляки и Лев Сабакин»

Героем новой повести В. Шкловского, отрывки из которой он прочел 22 апреля на собрании секции прозы, является замечательный русский человек, чья судьба, весьма своеобразная и поучительная, до сих пор почти не исследована.

Речь идет о пионере русского станкостроения Льве Сабанине, жившем в XVIII веке, талантлимом выходеце из народа, изобретателе астрономических часов, в сокращенном возрасте ставшем студентом Эдинбургского университета, а по возвращении на родину — директором Ижевского завода.

В вступительном слове В. Шкловский указал, что он сознательно еще доложил сюжет в своей повести, т. е. не стал на путь художественного домысла, стремясь, главным образом, к документальной точности и достоверности. Писатель считает этот метод более всего отвечающим его цели — показать, что русская техническая мысль уже в XVIII веке находилась на уровне куда более высоком, чем это представляют себе ныне исследователи.

Все участвовавшие в обсуждении повести — К. Фелин, К. Паустовский, Р. Фраерман, Л. Латин, А. Бек, Я. Черняк, М. Никитин — единодушно признали полезность замысла Шкловского. По общему мнению, автору удалось привлечь исключительно ценный, никому еще не освещенный материал, проливший новый свет на прошлое нашей техники, и поставить актуальные для нашей современности проблемы.

Главным недостатком произведения ряд выступавших усматривает в том, что техника в книге заслоняет человека, внутренне миру своих героев автор не уделяет должного внимания. «Здесь люди приложены к технике», — говорит К. Паустовский. А. Бек относит повесть к жанру популярно-научной литературы с уклоном в «беллетристизацию».

Р. Фраерман не соглашается с тем, кто усматривает в повести избыточный «технический» элемент.

«Гуляки и Лев Сабакин»

Героем новой повести В. Шкловского, отрывки из которой он прочел 22 апреля на собрании секции прозы, является замечательный русский человек, чья судьба, весьма своеобразная и поучительная, до сих пор почти не исследована.

Речь идет о пионере русского станкостроения Льве Сабанине, жившем в XVIII веке, талантлимом выходеце из народа, изобретателе астрономических часов, в сокращенном возрасте ставшем студентом Эдинбургского университета, а по возвращении на родину — директором Ижевского завода.

В вступительном слове В. Шкловский указал, что он сознательно еще доложил сюжет в своей повести, т. е. не стал на путь художественного домысла, стремясь, главным образом, к документальной точности и достоверности. Писатель считает этот метод более всего отвечающим его цели — показать, что русская техническая мысль уже в XVIII веке находилась на уровне куда более высоком, чем это представляют себе ныне исследователи.

Все участвовавшие в обсуждении повести — К. Фелин, К. Паустовский, Р. Фраерман, Л. Латин, А. Бек, Я. Черняк, М. Никитин — единодушно признали полезность замысла Шкловского. По общему мнению, автору удалось привлечь исключительно ценный, никому еще не освещенный материал, проливший новый свет на прошлое нашей техники, и поставить актуальные для нашей современности проблемы.

Главным недостатком произведения ряд выступавших усматривает в том, что техника в книге заслоняет человека, внутренне миру своих героев автор не уделяет должного внимания. «Здесь люди приложены к технике», — говорит К. Паустовский. А. Бек относит повесть к жанру популярно-научной литературы с уклоном в «беллетристизацию».

Р. Фраерман не соглашается с тем, кто усматривает в повести избыточный «технический» элемент.

«Гуляки и Лев Сабакин»

Героем новой повести В. Шкловского, отрывки из которой он прочел 22 апреля на собрании секции прозы, является замечательный русский человек, чья судьба, весьма своеобразная и поучительная, до сих пор почти не исследована.

Речь идет о пионере русского станкостроения Льве Сабанине, жившем в XVIII веке, талантлимом выходеце из народа, изобретателе астрономических часов, в сокращенном возрасте ставшем студентом Эдинбургского университета, а по возвращении на родину — директором Ижевского завода.

В вступительном слове В. Шкловский указал, что он сознательно еще доложил сюжет в своей повести, т. е. не стал на путь художественного домысла, стремясь, главным образом, к документальной точности и достоверности. Писатель считает этот метод более всего отвечающим его цели — показать, что русская техническая мысль уже в XVIII веке находилась на уровне куда более высоком, чем это представляют себе ныне исследователи.

Все участвовавшие в обсуждении повести — К. Фелин, К. Паустовский, Р. Фраерман, Л. Латин, А. Бек, Я. Черняк, М. Никитин — единодушно признали полезность замысла Шкловского. По общему мнению, автору удалось привлечь исключительно ценный, никому еще не освещенный материал, проливший новый свет на прошлое нашей техники, и поставить актуальные для нашей современности проблемы.

Главным недостатком произведения ряд выступавших усматривает в том, что техника в книге заслоняет человека, внутренне миру своих героев автор не уделяет должного внимания. «Здесь люди приложены к технике», — говорит К. Паустовский. А. Бек относит повесть к жанру популярно-научной литературы с уклоном в «беллетристизацию».

Р. Фраерман не соглашается с тем, кто усматривает в повести избыточный «технический» элемент.

«Гуляки и Лев Сабакин»

Героем новой повести В. Шкловского, отрывки из которой он прочел 22 апреля на собрании секции прозы, является замечательный русский человек, чья судьба, весьма своеобразная и поучительная, до сих пор почти не исследована.

Речь идет о пионере русского станкостроения Льве Сабанине, жившем в XVIII веке, талантлимом выходеце из народа, изобретателе астрономических часов, в сокращенном возрасте ставшем студентом Эдинбургского университета, а по возвращении на родину — директором Ижевского завода.

В вступительном слове В. Шкловский указал, что он сознательно еще доложил сюжет в своей повести, т. е. не стал на путь художественного домысла, стремясь, главным образом, к документальной точности и достоверности. Писатель считает этот метод более всего отвечающим его цели — показать, что русская техническая мысль уже в XVIII веке находилась на уровне куда более высоком, чем это представляют себе ныне исследователи.

Все участвовавшие в обсуждении повести — К. Фелин, К. Паустовский, Р. Фраерман, Л. Латин, А. Бек, Я. Черняк, М. Никитин — единодушно признали полезность замысла Шкловского. По общему мнению, автору удалось привлечь исключительно ценный, никому еще не освещенный материал, проливший новый свет на прошлое нашей техники, и поставить актуальные для нашей современности проблемы.

Главным недостатком произведения ряд выступавших усматривает в том, что техника в книге заслоняет человека, внутренне миру своих героев автор не уделяет должного внимания. «Здесь люди приложены к технике», — говорит К. Паустовский. А. Бек относит повесть к жанру популярно-научной литературы с уклоном в «беллетристизацию».

Р. Фраерман не соглашается с тем, кто усматривает в повести избыточный «технический» элемент.

«Гуляки и Лев Сабакин»

Героем новой повести В. Шкловского, отрывки из которой он прочел 22 апреля на собрании секции прозы, является замечательный русский человек, чья судьба, весьма своеобразная и поучительная, до сих пор почти не исследована.

Речь идет о пионере русского станкостроения Льве Сабанине, жившем в XVIII веке, талантлимом выходеце из народа, изобретателе астрономических часов, в сокращенном возрасте ставшем студентом Эдинбургского университета, а по возвращении на родину — директором Ижевского завода.

В вступительном слове В. Шкловский указал, что он сознательно еще доложил сюжет в своей повести, т. е. не стал на путь художественного домысла, стремясь, главным образом, к документальной точности и достоверности. Писатель считает этот метод более всего отвечающим его цели — показать, что русская техническая мысль уже в XVIII веке находилась на уровне куда более высоком, чем это представляют себе ныне исследователи.

Все участвовавшие в обсуждении повести — К. Фелин, К. Паустовский, Р. Фраерман, Л. Латин, А. Бек, Я. Черняк, М. Никитин — единодушно признали полезность замысла Шкловского. По общему мнению, автору удалось привлечь исключительно ценный, никому еще не освещенный материал, проливший новый свет на прошлое нашей техники, и поставить актуальные для нашей современности проблемы.

Главным недостатком произведения ряд выступавших усматривает в том, что техника в книге заслоняет человека, внутренне миру своих героев автор не уделяет должного внимания. «Здесь люди приложены к технике», — говорит К. Паустовский. А. Бек относит повесть к жанру популярно-научной литературы с уклоном в «беллетристизацию».

Р. Фраерман не соглашается с тем, кто усматривает в повести избыточный «технический» элемент.

«Гуляки и Лев Сабакин»

Героем новой повести В. Шкловского, отрывки из которой он прочел 22 апреля на собрании секции прозы, является замечательный русский человек, чья судьба, весьма своеобразная и поучительная, до сих пор почти не исследована.

Речь идет о пионере русского станкостроения Льве Сабанине, жившем в XVIII веке, талантлимом выходеце из народа, изобретателе астрономических часов, в сокращенном возрасте ставшем студентом Эдинбургского университета, а по возвращении на родину — директором Ижевского завода.

В вступительном слове В. Шкловский указал, что он сознательно еще доложил сюжет в своей повести, т. е. не стал на путь художественного домысла, стремясь, главным образом, к документальной точности и достоверности. Писатель считает этот метод более всего отвечающим его цели — показать, что русская техническая мысль уже в XVIII веке находилась на уровне куда более высоком, чем это представляют себе ныне исследователи.

Все участвовавшие в обсуждении повести — К. Фелин, К. Паустовский, Р. Фраерман, Л. Латин, А. Бек, Я. Черняк, М. Никитин — единодушно признали полезность замысла Шкловского. По общему мнению, автору удалось привлечь исключительно ценный, никому еще не освещенный материал, проливший новый свет на прошлое нашей техники, и поставить актуальные для нашей современности проблемы.

Главным недостатком произведения ряд выступавших усматривает в том, что техника в книге заслоняет человека, внутренне миру своих героев автор не уделяет должного внимания. «Здесь люди приложены к технике», — говорит К. Паустовский. А. Бек относит повесть к жанру популярно-научной литературы с уклоном в «беллетристизацию».

Р. Фраерман не соглашается с тем, кто усматривает в повести избыточный «технический» элемент.

«Гуляки и Лев Сабакин»

Героем новой повести В. Шкловского, отрывки из которой он прочел 22 апреля на собрании секции прозы, является замечательный русский человек, чья судьба, весьма своеобразная и поучительная, до сих пор почти не исследована.

Речь идет о пионере русского станкостроения Льве Сабанине, жившем в XVIII веке, талантлимом выходеце из народа, изобретателе астрономических часов, в сокращенном возрасте ставшем студентом Эдинбургского университета, а по возвращении на родину — директором Ижевского завода.

В вступительном слове В. Шкловский указал, что он сознательно еще доложил сюжет в своей повести, т. е. не стал на путь художественного домысла, стремясь, главным образом, к документальной точности и достоверности. Писатель считает этот метод более всего отвечающим его цели — показать, что русская техническая мысль уже в XVIII веке находилась на уровне куда более высоком, чем это представляют себе ныне исследователи.

Все участвовавшие в обсуждении повести — К. Фелин, К. Паустовский, Р. Фраерман, Л. Латин, А. Бек, Я. Черняк, М. Никитин — единодушно признали полезность замысла Шкловского. По общему мнению, автору удалось привлечь исключительно ценный, никому еще не освещенный материал, проливший новый свет на прошлое нашей техники, и поставить актуальные для нашей современности проблемы.

Главным недостатком произведения ряд выступавших усматривает в том, что техника в книге заслоняет человека, внутренне миру своих героев автор не уделяет должного внимания. «Здесь люди приложены к технике», — говорит К. Паустовский. А. Бек относит повесть к жанру популярно-научной литературы с уклоном в «беллетристизацию».

Р. Фраерман не соглашается с тем, кто усматривает в повести избыточный «технический» элемент.

«Гуляки и Лев Сабакин»

Героем новой повести В. Шкловского, отрывки из которой он прочел 22 апреля на собрании секции прозы, является замечательный русский человек, чья судьба, весьма своеобразная и поучительная, до сих пор почти не исследована.

Речь идет о пионере русского станкостроения Льве Сабанине, жившем в XVIII веке, талантлимом выходеце из народа, изобретателе астрономических часов, в сокращенном возрасте ставшем студентом Эдинбургского университета, а по возвращении на родину — директором Ижевского завода.

В вступительном слове В. Шкловский указал, что он сознательно еще доложил сюжет в своей повести, т. е. не стал на путь художественного домысла, стремясь, главным образом, к документальной точности и достоверности. Писатель считает этот метод более всего отвечающим его цели — показать, что русская техническая мысль уже в XVIII веке находилась на уровне куда более высоком, чем это представляют себе ныне исследователи.

Все участвовавшие в обсуждении повести — К. Фелин, К. Паустовский, Р. Фраерман, Л. Латин, А. Бек, Я. Черняк, М. Никитин — единодушно признали полезность замысла Шкловского. По общему мнению, автору удалось привлечь исключительно ценный, никому еще не освещенный материал, проливший новый свет на прошлое нашей техники, и поставить актуальные для нашей современности проблемы.

Главным недостатком произведения ряд выступавших усматривает в том, что техника в книге заслоняет человека, внутренне миру своих героев автор не уделяет должного внимания. «Здесь люди приложены к технике», — говорит К. Паустовский. А. Бек относит повесть к жанру популярно-научной литературы с уклоном в «беллетристизацию».

Р. Фраерман не соглашается с тем, кто усматривает в повести избыточный «технический» элемент.

«Гуляки и Лев Сабакин»

Героем новой повести В. Шкловского, отрывки из которой он прочел 22 апреля на собрании секции прозы, является замечательный русский человек, чья судьба, весьма своеобразная и поучительная, до сих пор почти не исследована.

Речь идет о пионере русского станкостроения Льве Сабанине, жившем в XVIII веке, талантлимом выходеце из народа, изобретателе астрономических часов, в сокращенном возрасте ставшем студентом Эдинбургского университета, а по возвращении на родину — директором Ижевского завода.

В вступительном слове В. Шкловский указал, что он сознательно еще доложил сюжет в своей повести, т. е. не стал на путь художественного домысла, стремясь, главным образом, к документальной точности и достоверности. Писатель считает этот метод более всего отвечающим его цели — показать, что русская техническая мысль уже в XVIII веке находилась на уровне куда более высоком, чем это представляют себе ныне исследователи.

Все участвовавшие в обсуждении повести — К. Фелин, К. Паустовский, Р. Фраерман, Л. Латин, А. Бек, Я. Черняк, М. Никитин — единодушно признали полезность замысла Шкловского. По общему мнению, автору удалось привлечь исключительно ценный, никому еще не освещенный материал, проливший новый свет на прошлое нашей техники, и поставить актуальные для нашей современности проблемы.

Главным недостатком произведения ряд выступавших усматривает в том, что техника в книге заслоняет человека, внутренне миру своих героев автор не уделяет должного внимания. «Здесь люди приложены к технике», — говорит К. Паустовский. А. Бек относит повесть к жанру популярно-научной литературы с уклоном в «беллетристизацию».

Р. Фраерман не соглашается с тем, кто усматривает в повести избыточный «технический» элемент.

«Гуляки и Лев Сабакин»

Героем новой повести В. Шкловского, отрывки из которой он прочел 22 апреля на собрании секции прозы, является замечательный русский человек, чья судьба, весьма своеобразная и поучительная, до сих пор почти не исследована.

Речь идет о пионере русского станкостроения Льве Сабанине, жившем в XVIII веке, талантлимом выходеце из народа, изобретателе астрономических часов, в сокращенном возрасте ставшем студентом Эдинбургского университета, а по возвращении на родину — директором Ижевского завода.

В вступительном слове В. Шкловский указал, что он сознательно еще доложил сюжет в своей повести, т. е. не стал на путь художественного домысла, стремясь, главным образом, к документальной точности и достоверности. Писатель считает этот метод более всего отвечающим его цели — показать, что русская техническая мысль уже в XVIII веке находилась на уровне куда более высоком, чем это представляют себе ныне исследователи.

Все участвовавшие в обсуждении повести — К. Фелин, К. Паустовский, Р. Фраерман, Л. Латин, А. Бек, Я. Черняк, М. Никитин — единодушно признали полезность замысла Шкловского. По общему мнению, автору удалось привлечь исключительно ценный, никому еще не освещенный материал, проливший новый свет на прошлое нашей техники, и поставить актуальные для нашей современности проблемы.

Главным недостатком произведения ряд выступавших усматривает в том, что техника в книге заслоняет человека, внутренне миру своих героев автор не уделяет должного внимания. «Здесь люди приложены к технике», — говорит К. Паустовский. А. Бек относит повесть к жанру популярно-научной литературы с уклоном в «беллетристизацию».

Р. Фраерман не соглашается с тем, кто усматривает в повести избыточный «технический» элемент.

«Гуляки и Лев Сабакин»

Героем новой повести В. Шкловского, отрывки из которой он прочел 22 апреля на собрании секции прозы, является замечательный русский человек, чья судьба, весьма своеобразная и поучительная, до сих пор почти не исследована.

Речь идет о пионере русского станкостроения Льве Сабанине, жившем в XVIII веке, талантлимом выходеце из народа, изобретателе астрономических часов, в сокращенном возрасте ставшем студентом Эдинбургского университета, а по возвращении на родину